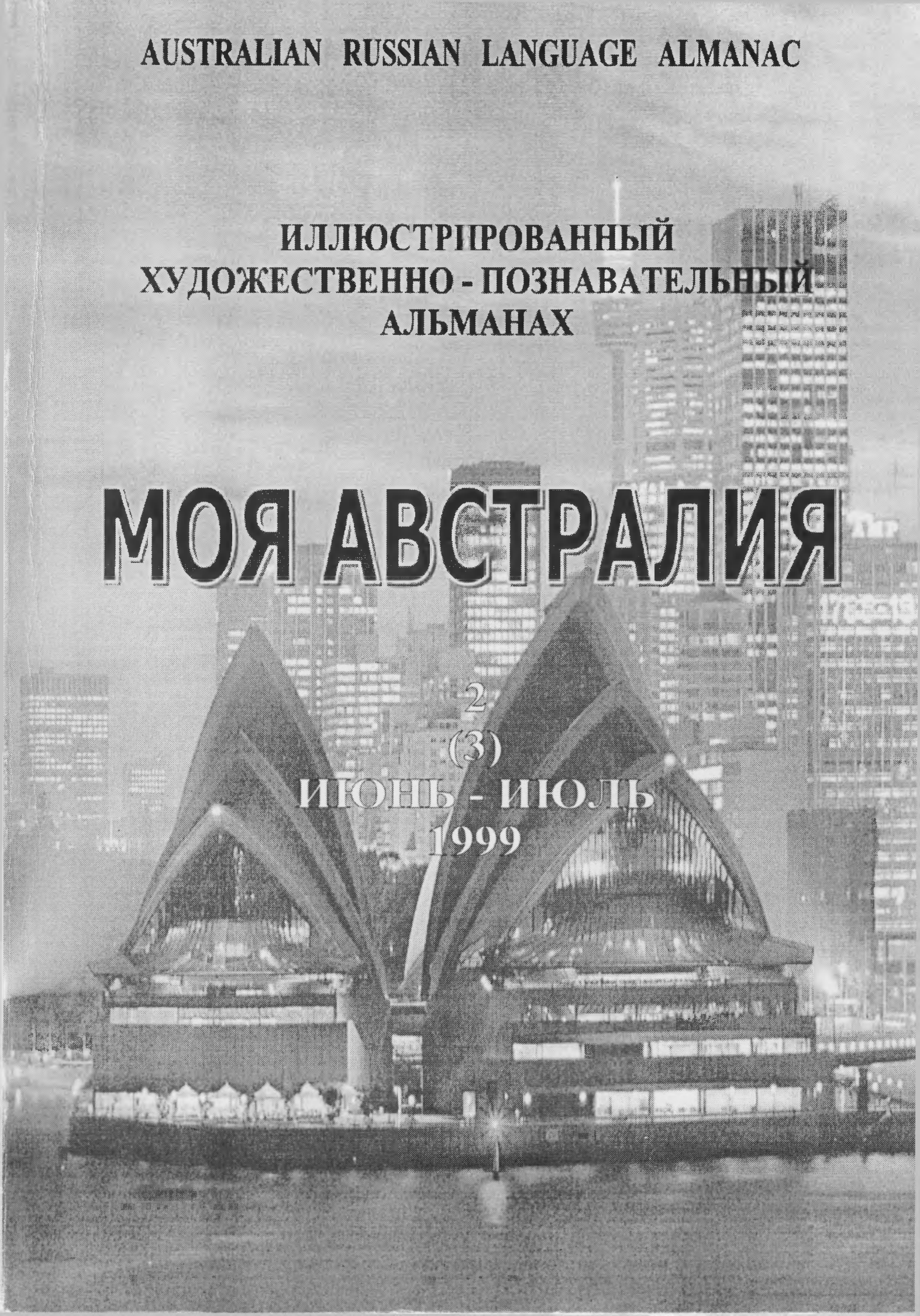
AUSTRALIAN RUSSIAN LANGUAGE ALMANAC

ИЛЛЮСТРІРОВАННЫЙ
ХУДОЖЕСТВЕННО - ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ
АЛЬМАНАХ

МОЯ АВСТРАЛИЯ

2
(3)
ИЮНЬ - ИЮЛЬ
1999



Елена ГОВОР

Друг мой, враг мой...

(Ранние впечатления австралийцев о России и русских)

Cohyright © Елена Говор. 1999

В предыдущем номере «Моей Австралии» мы познакомились с русским восприятием Австралии в первой половине 19 века. Посмотрим теперь, какими же представлялись Россия и русские австралийским колонистам. Конечно, мы не будем пытаться охватить эту тему во всем ее многообразии, ограничимся лишь отношением австралийцев к русским в результате непосредственных контактов, будь то во время визитов русских кораблей в австралийские порты или во время посещения австралийцами России. Особый аспект составит отношение австралийцев к России во время Крымской войны, когда наши страны оказались противниками на международной арене.

От избавителя Европы...

Отношение австралийцев к русским и к России как в капле воды отразилось в приеме, который они оказывали на протяжении десятилетий экипажам русских кораблей, заходившим в Сидней и Хобарт. Все моряки сходятся на том, что в первые десятилетия 19 века прием этот далеко выходил за рамки официальной любезности. Мало того, что австралийцы были очень предупредительны, удовлетворяя непосредственные нужды моряков—например, оказывая помощь в починке кораблей или снабжая их продовольствием—они неизменно принимали русских с подкупающей теплотой и дружелюбием, стремясь, чтобы заморские гости наилучшим образом провели время в колониях.

Несомненно, что тон такого приема каждый раз задавал губернатор. Официальные документы и воспоминания свидетельствуют, что губернаторы действительно стремились выполнить свой долг как можно лучше. «Русский шлюп ... получил все те припасы, которые он пожелал, и всевозможное внимание и уважение было проявлено к [Российскому] Императорскому флагу» (У. Блай о «Неве», 1807); «[губернатор Макуори] старался доставить нам все удовольствия и даже сделал приказание, чтобы жители города принимали нас, как соотечественников» (С. Я. Унковский о приеме «Суворова», 1814); «Я стремился уделить все возможное внимание офицерам двух маленьких эскадр ... Я имею основания полагать, что они отбыли в высшей степени благодарными и довольными оказанным им вниманием» (Лаклан Макуори о визитах 1820 г.); «Генерал-лейтенант Брисбен ... предложил мне все пособия, в каких только буду иметь нужду» (Е. Клочков о заходе «Рюрика», 1822); «Я постараюсь оказать им все то внимание и радушие, какое только будет в моих силах» (губернатор У. Сорелл о «Крейсере» и «Ладоге», 1823).[1]

Русские моряки оставили немало свидетельств проявленного к ним исключительного внимания со стороны колониальных властей и общества. Дмитрий Завалишин, например, вспоминает такой трогательный факт: когда в 1823 г., после многомесячного перехода, «Крейсер» и «Ладога» зашли в Хобарт, их встретил начальник порта г. Бромлей «с изготовленною уже свежею провизией, с превосходным ростбифом, овощами и салатом, зная, что при доставке сырой провизии не мало надобно было бы употребить времени на приготовление ее, а тут можно было немедленно подкрепить себя таким завтраком, какого давно не имели». Или другой факт—при отходе русских кораблей из Сиднея жена губернатора Макуори собственноручно послала офицерам в подарок фрукты, варенье и ликеры. Беллинсгаузен отмечал, что моряков «беспрестанно»

приглашали на обеды и приемы, «нарочно для нас были общественные и частные вечера с танцами», участие в которых подчас отрывало офицеров от выполнения их обязанностей. О том же писал Евгений Беренс, побывавший в 1829 г. в Сиднее: «Мы полагали, что будем иметь еще довольно времени осмотреть окрестности города; рассуждая так, мы позабыли, что будем иметь дело с англичанами, которые все гостеприимство почитают в обедах—и подлинно редкий день, чтобы мы не были куда-либо приглашены и после принуждены были отвечать на обеды».

Однако гостеприимство и искренний интерес к русским шли и «снизу», вне зависимости от официальных установок. Посмотрим, например, на отношение к морякам со стороны прекрасного пола. В 1814 г. молодой штурман Алексей Российский с удовольствием отмечал, что во время их астрономических наблюдений на мысу Беннелонг «многие англичанки из любопытства приходили к нам и смотрели на наши занятия. Мы знакомились и были так счастливы, что нас не забывали своими посещениями. Bennelongs Point было местом свидания. Как весело тогда проходило время! Окончив наблюдения, мы играли и бегали здесь, по прелестному месту, до самого вечера. Вечером же снова должны были приниматься за скучные астрономические наблюдения». Шестью годами позже Н. Д. Шишмарев писал о бале: «Нам не надо было заботиться об дамах с кем бы танцевать, потому что каждая их них была готова с удовольствием иметь у себя русского кавалера». Но самое любопытное открытие сделал Беренс в 1829 году: «Я нашел секрет, как изъясняться с дамой и тогда, когда мы друг друга не понимали; я говорил ей фамилии всех наших капитанов прежде здесь бывших, которых оне очень хорошо помнят и сами рассказывали, что записывают в своих памятных книжках пребывание здесь русских». Симпатии не ограничивались только балами и приемами. Русские отмечают искреннее желание австралийцев показать им «все ... редкое и любопытное»: «где бы путешественнику не случилось остановиться, он везде будет хорошо принят, ему с самою дружелюбною учтивостью покажут все, что есть примечательного, и он увидит, что величайшее гостеприимство царствует на всем пространстве колоний». [2]

Искренней симпатией к русским было вызвано и появление первого русского топонима в Австралии—мыс, известный ныне как Кирибилли Поинт, в 1820 году назывался Русский мыс или мыс Русских (Russian Point). Здесь участники русских экспедиций 1820 г. раскинули палаточный лагерь, устроили обсерваторию, ремонтные мастерские, баню. На этом же мысу разбивали лагерь и несколько последующих русских экспедиций. Название это не было официально закреплено, однако живая память о нем сохранялась на протяжении десятилетий, даже в те годы, когда русские визиты в Австралию стали редкостью, и в 1860 году моряки с «Богатыря» смогли отыскать названия русских кораблей, вырезанные на камнях на Русском мысу. [3]

Примеры симпатии к русским можно и дальше множить, но хотелось бы понять, чем был вызван всплеск австралийской русофилии. Очевидно, что в 1810-1820-х гг. произошло совпадение ряда факторов, взаимно усиливших друг друга. Подчеркнуто уважительное отношение к России как к державе было вызвано, прежде всего, ее деятельностью на международной арене, где Россия выступала союзником Англии в борьбе с Наполеоном. В те годы во внешнеполитическом плане Австралия отождествляла себя с Англией и полностью следовала в русле ее политики, а в чем-то хотела даже быть «святее самого римского папы». Не удивительно, что русских моряков в Австралии воспринимали как представителей могущественной союзнической державы. Экипаж «Суворова», который в 1814 г. первый привез в Австралию новость о взятии Парижа, стал средоточием и официальных, и народных празднеств, охвативших Сидней при известии о победе. Алексей Российский записывал: «Надобно было видеть, с каким восторгом радости встречали нас и с каким уважением принимали всякого, съезжающего с нашего корабля на берег: матрозов насильно тащили в шинки и потчевали по-братски, приговаривая: "Рушен добра! Рушен добра! а френч но гуд"». Напротив, французский корвет «Урания», уже несколько лет спустя после окончания войны, во время визита в Сидней в 1819 г., не удостоился такого теплого приема, а дневник Шишмарева сохранил для нас даже неодобрительное высказывание Макуори о том, что на «Урании» в противоположность чистоте, обнаруженной им на русских кораблях, наблюдалась «большая неопрятность».

Прием, оказываемый русским морякам на официальном уровне, также носил подчеркнуто дружественный характер. Проявлялось это, например, в церемониальном обмене салютами между береговыми укреплениями и русским кораблем при его прибытии и отбытии. В 1814 г. на одиннадцать выстрелов, прозвучавших с «Суворова», австралийцы ответили тринадцатью—небывалое событие для «гордых британцев». В 1823 г. при отбытии «Крейсера» и «Ладоги» из Хобарта «гордый британец выразил все расположение свое и уважение к нам тем, что вопреки обычаю начал первый салютовать нам с батареи и притом 11 выстрелами, что считалось тогда салютом императорскому флагу» (Завалишин). Или возьмем место стоянки—как известно, иностранные суда, посещавшие Порт-Джексон, всегда стояли в Ньютрал Бэй. Однако для русских кораблей в 1807, 1814 и 1820 гг. было сделано исключение и они стояли на якоре в самой Сиднейской гавани (Sydney Cove), где обычно разрешалось стоять только британским судам. Российский флаг—символ державы—также пользовался большим уважением. Его использовали для украшения залов, в которых устраивались торжественные обеды в честь русских, а жители Хобарта, по свидетельству Завалишина, в 1823 г. «в память посещения его нашими военными судами выпросили у нас наш русский военный флаг, который и положили сохранять при городском управлении».

Но главным символом, олицетворявшим Россию, Российскую державу в сознании австралийцев выступал русский царь. Его титул постоянно упоминается в газетных материалах: "The Imperial Flag", "His

Imperial Majesty Ship", "Russian Imperial Ship", "Emperor of Russia's Ship" и т. п. Конечно, использование этих выражений было связано с традиционным наименованием кораблей в Англии, но настойчивость в их употреблении создает ощущение некоего смакования высокого титула. Сами русские оставили многочисленные свидетельства почестей, отдававшихся австралийцами русскому царю. «Мы видели всегда истинно дружеское его [губернатора Макуори] к нам расположение и беспритворное уважение к России; сердце мое трепетало от радости, видя чистосердечную всех признательность и глубочайшее почитание к Всемилостивейшему нашему Государю Императору» (М. Васильев, 1820). «Приятно было для сердца русского видеть, как на самом краю света умеют чувствовать благодарность к Августейшему Избавителю Европы; приятно было видеть привязанность новоголландских англичан к сему благодетелю рода человеческого. Всякий раз, выпив за здоровье Его Императорского Величества, обыкновенно начинали говорить о великих Его подвигах и рассказывать анекдоты, клонящиеся к прославлению Его Имени» (И. М. Симонов, 1820). [4] При возможной конъюнктурности русских свидетельств—в советские времена историки полагали, что славословия в адрес царя русским морякам приписывали тогдашние редактора и цензоры,—надо признать, что искренняя симпатия к Александру I, несомненно, была и у русских, и у австралийцев. Кстати, русские приятно заблуждались, полагая, что, хотя при тостах австралийцы обычно не встают, тост за русского императора они всегда произносили стоя из особого уважения к нему. В действительности же в Англии было принято произносить тост за всех монархов стоя.

Тема восприятия России, как державы, нашла любопытное преломление в стихотворении, появившемся на страницах «Сидней газетт» в 1829 г. во время визита «Кроткого» и «Елены» в Сидней. Оно было озаглавлено «Коммодору русской эскадры, направляющейся на Камчатку, а ныне стоящей в гавани Порт-Джексона» и подписано буквой Л., за которой скрывался священник и общественный деятель Джон Данмор Лэнг. Он выразил в этом стихотворении взгляды, чрезвычайно характерные для восприятия России того времени. Прежде всего, это увлечение державно-царской атрибутикой, подсознательное отождествление России и царя: «Земли, которыми владеет имперская власть царя», «Твой орел, исполненный силы», «побеждающий Царь» и т. п. Стихотворение дает характерный набор представлений о России на державном уровне. Это страна, победившая Наполеона; страна, которой предстоит освободить Грецию от турецкого ига; страна, чья церковь независима от Рима и папской власти; страна, покорившая и направившая на путь истинный «дитя природы», «дикаря» Камчатки, куда Россия принесла «торговлю» и «религию», которые преобразят Камчатку в «землю света и свободы». Венчает этот набор представлений такой идиллический призыв:

Да будет благословенна милосердная власть царя...
И пусть многочисленные племена пребудут в безопасности
Под его широко раскинутыми крыльями.

На чрезмерную патетику стиха повлияло, конечно, то, что он был написан к торжественному случаю—визиту русских кораблей,—но сути отношения австралийцев к царизму и Российской империи в то время это не меняет—ведь не случайно именно это стихотворение было выбрано для публикации в самой влиятельной местной газете.

Хотя австралийские колонии следовали в русле английской внешней политики, у них уже в эти годы появляется осознание своих собственных потенциальных связей с Россией, осознание того, что Россия это не только европейская, но и тихоокеанская держава, чьи владения раскинулись по берегам Азии и Америки, и, таким образом, соседка и возможный партнер, а может быть и соперница Австралии на просторах Тихого океана. Как было отмечено в предыдущем очерке, австралийская печать уже в 1820-х гг. обсуждала возможные пути развития австралийско-русской торговли. Лэнг в своих стихах тоже писал о геополитическом союзничестве между Россией и Австралией на пространстве «от Новой Зеландии до Японии»:

Соперничать мы будем дружно
Среди опасных этих вод
В громадном океане Южном,
Где дикий островной народ
Ждет просвещенья. Слава нам
Как человечества друзьям.

(Перевод Н. Мельниковой)

Характерно, что хотя Лэнг имеет в виду население австралийских колоний, он воспевает союз русских и британцев, а вернее «руссов» и «бриттов» («So shall the Russ and Briton vie...»), что, впрочем, могло быть вызвано и высоким стилем стиха, да и само понятие «австралиец» в то время еще только начинало складываться.

На примере того же стихотворения Лэнга видно, что в то время, как и внешнеполитическая, и культуртрегерская деятельность царизма воспринимается в Австралии «на ура», общественное мнение проявляет полное безразличие к внутриполитической ситуации в России, к положению крепостных крестьян. «Сидней газетт», например, во время визита «Суворова» в 1814 г. напечатала—вероятно, со слов кого-либо из офицеров корабля—героическую историю о преданности «доброму Императору» простого русского крестьянина. [5] Нечто подобное пережило австралийское общество еще раз, в годы союзничества наших стран во время второй мировой войны, когда толпы восторженных австралийцев, размахивающих портретами Сталина и его приспешников, встречали советские корабли, заходившие в австралийские порты. Именно в те

годы многие австралийцы были готовы закрыть глаза на сталинские преступления. Что это было—сознательное желание забыть или не знать правду, безразличие к внутренним проблемам далекой страны, стремление не замечать язвы на теле героя—вряд ли на это можно дать однозначный ответ.

Исключительно теплый прием, оказывавшийся русским в австралийских портах в начале 19 века, объяснялся и еще одной причиной—провинциализмом австралийцев, их изолированностью от остального мира. Под провинциализмом я имею ввиду не отсутствие культуры, а, скорее, своеобразное психологическое состояние общества. Как красивое платье без употребления «увядает», и само наличие его порождает необходимость устроить бал, так и молодое австралийское общество не было самодостаточным, оно постоянно нуждалось в одобрительном, восхищенном взгляде со стороны, и русские подходили для этой роли наилучшим образом. Русские морские офицеры, ученые, художники—молодые, блестяще образованные, знающие несколько европейских языков, обладающие светскими манерами—действительно могли быть вполне достойными судьями. Вот, например, на что, прежде всего, обращают внимание австралийские журналисты, говоря о капитане «Аполлона» Степане Хрущеве: «Мы надолго запомним этого джентльмена с его любезными и непринужденными манерами». Несомненно, что и русские корабли, и их экипажи резко отличались и от английских транспортов с ссыльными, и от ост-индских купеческих кораблей, и от местных суденышек тюленепромышленников. Завалишин вспоминал о визите 1823 г. на Тасманию: «Можно ... себе представить, какое впечатление должно было произвести появление двух русских военных судов в такой юной и маленькой колонии, которую и английские военные суда, да и то самые мелкие, посещали весьма редко. Вся колония буквально пришла в движение, и нам оказывали не только всевозможные знаки внимания и расположения, но и необычайный почет, так, по-видимому, противоречащие холодности и гордости, в которых привыкли упрекать британцев. Дело шло так, как будто бы какого-нибудь живущего в захолустье и забытого всеми неважного жителя посетил нежданно один из сильных мира, которого хозяин, не зная, как отблагодарить за оказанную ему честь, не знает, как угостить». [6] Даже делая скидку на некоторую экзальтированность высказываний Завалишина, надо признать, что в данном случае его впечатления были близки к истине.

Достаточно вчитаться в отчеты австралийских газет о русских визитах, чтобы почувствовать, как жадно ждали австралийцы русских восторгов по поводу своих достижений, как радовались предоставившейся им возможности «и людей посмотреть, и себя показать». Газеты восторженно описывали «блестящие» балы и обеды, дававшиеся в честь русских, на которых «присутствовал весь цвет австралийского общества». Авторы репортажей в цветистой форме восторгались собственным «австралийским гостеприимством, которое в полной мере еще раз доказало, что подлинное дружелюбие и искреннее великодушие Альбиона это именно те чувства, которые наполняют души и его самых далеких колонистов, и что, следовательно, мы достойны такого монарха как его величество Георг IV». С не меньшим удовольствием газеты описывали и русскую реакцию на оказанный им прием и на состояние колонии в целом. «Чужестранцы были в полном восторге от великолепного приема». «Офицеры ... потрясены величественным видом Порт-Джексона, ... который во всех отношениях превосходит русские поселения в Северных морях». И уже без всякой скромности: «Совсем не удивительно, что наши русские гости выражают восхищение и изумление перед лицом британского трудолюбия и упорства», или: «Визит этого соединения [т. е. «Кроткого» и «Елены»] в Порт-Джексон—это лестное доказательство той важности, которую приобретает наша колония на мировой арене». [7]

Особый интерес к русским вызывался и тем, что австралийцам Россия и населяющие ее народы представлялись своеобразной экзотикой. Так, стихотворение Лэнга дает целый набор стереотипов, описывающих Россию как бескрайнюю, холодную землю, населенную необычными народами. Вот некоторые из используемых им выражений: «далекая земля», «отдаленный Север», «скованные льдом берега Камчатки», «мрачные утесы», «земля Севера», «обширные пределы», «снежная метель», «татарские степи», «казаки». В стихотворении «Русский новобранец», принадлежащем перу некоего «М.» из Аррамбы, присутствуют стереотипы того же ряда: «снег», «ледяной ветер», «копье татар» и т. п. По существу, этот же образ России будет доминировать в сознании австралийцев и на протяжении последующих десятилетий и во многом доживет до нашего времени. Нотки такого интереса к русским—экзотичным чужеземцам—можно уловить в воспоминаниях Российского: «На пристани собралось великое множество народа, который с любопытством смотрел на наш корабль и удивлялся *[его]* прибытию». [8] Впрочем, при непосредственных контактах с русскими моряками эта «экзотика» отходила на задний план, их принимали, прежде всего, как европейцев, посланников Европы, равных или почти равных по своему статусу самим австралийским хозяевам.

Итак, исключительное гостеприимство австралийцев по отношению к русским на протяжении первых трех десятилетий 19 века было вызвано целым рядом причин—союзничеством на международной арене, соседством по Тихому океану, провинциализмом и изолированностью самих австралийцев, их безразличием к деспотизму в далекой России, а также экзотическими чертами в образе русских и их страны.

Русская эпопея Лаклана Макуори

Лаклан и Элизабет Макуори

Но важно отметить и еще один фактор – личностный. Ведь апогей взаимных симпатий пришелся на время визитов в 1814 и 1820 гг., когда губернатором Нового Южного Уэльса был Лаклан Макуори, который сыграл исключительную роль во всплеске австралийской «русофилии» в этот период. Пожалуй, за всю историю русско-австралийских контактов никто из австралийцев не заслужил такого восторженного отношения к себе со стороны русских как он. Русские совсем не преувеличивали, когда писали о приеме, оказанном им губернатором в 1820 г.: «Кажется, губернатор был занят единственно тем, чтобы доставлять беспрерывные нам удовольствия» (Васильев); [Макуори] «просил, чтобы сколько можно чаще его посещали» (Ал. Лазарев); «Губернатор старался предупреждать наши желания во всем, что только могло быть для нас полезно» (Ф. Беллинсгаузен); «Таковое расположение англичан к русским, что бывает очень редко, заставляет... каждого из нас... быть благодарным губернатору и его супруге, которые в продолжение месячного нашего здесь пребывания не хотели суток быть без нас» (Шишмарев). И, наконец: «Имя губернатора Macquarie не должно изгладиться из сердца каждого из нас» (Шишмарев).

О стремлении принять русских наилучшим образом свидетельствует и дневник Макуори—так, на протяжении марта 1820 года во время захода в Порт-Джексон кораблей «Открытие» и «Благонамеренный» он делает записи о русских в дневнике 12 раз. Столь же часто он писал о них и в дальнейшем. Из дневника Макуори и других документов видно, как важна была для него оценка русскими его приема. Несколько раз он упоминает их реакцию—«чрезвычайно довольны», «в полном восторге», «в высшей степени благодарны и довольны»,—а также описывает прием, оказанный ему во время визита на русские корабли: «Я был принят с подчеркнутым вниманием и уважением», «нас принимали в высшей степени доброжелательно и любезно». [9] Несомненно, что обмен визитами с русскими для него был чем-то большим, чем актом формальной любезности.

Почему же Макуори оказывал такое внимание русским морякам? Скорее всего, это было связано с его предшествующими контактами с Россией и русскими. В 1807 году, будучи офицером английской армии, он совершил поездку из Индии в Англию через Россию. Он въехал на территорию Российской империи в Баку, а затем в «ужасной кибитке», запряженной тройкой лошадей, через Астрахань, Царицын, Новохоперск, Тамбов, Рязань, Коломну и Москву, пересек всю страну, добравшись два месяца спустя до Санкт-Петербурга. Путешествие Макуори через Россию было случайностью—ему пришлось выбрать этот маршрут потому, что путь через Турцию оказался невозможным. Он спешил в Англию к своей невесте Элизабет Кэмпбелл и неудивительно, что его ум был поглощен преодолением расстояния, а не стремлением познать Россию и русских, но, тем не менее, его неопубликованный дневник, который он вел на протяжении всего путешествия, дает прекрасный портрет и того, и другого. [10] Русские страницы этого дневника представляют собой отнюдь не традиционные путевые очерки. Они кажутся фантасмагорическим, кафкианским кошмаром, длившимся почти два с половиной месяца. Россия предстала перед Макуори страной противоречивой и иррациональной. Все его попытки применить к русской реальности мерки и опыт западного человека—человека действия и разума—потерпели полное фиаско, будь это в захолустном Баку или в Петербурге, при столкновении со станционным смотрителем или с генерал-губернатором. Там, где он ожидал найти помощь или хотя бы цивилизованное отношение, он их не находил, а там, где он на них не рассчитывал, он неожиданно сталкивался с искренним дружелюбием и гостеприимством.

Злоключения Макуори начались с того, что, въехав в Россию через Баку, он узнал, что в Астрахани он может попасть в карантин, так как в России в это время свирепствовала «fever» (вероятно, холерная эпидемия).

Макуори, опытный путешественник, тут же обратился к генерал-губернатору Баку Гурееву с просьбой выдать ему и его спутникам карантинное свидетельство, подтверждающее, что они въехали в страну здоровыми, но губернатор отказался, заявив, что он «таких свидетельств не дает, и добавив, что если бы он даже и выдал его, то оно нам не поможет»,—с недоумением пишет Макуори. С точки зрения англичанина это, конечно, был совершенно невразумительный ответ бюрократа. Макуори развил энергичную деятельность и, в конце концов, получил карантинное свидетельство, но в Астрахани он убедился, что Гуреев был прав: местные власти бакинское свидетельство не признали и засадили Макуори в карантин на 25 дней. Более того, губернатор Астрахани даже не отвечал на его письма, а когда срок карантина кончился, не выполнил своего обещания разрешить Макуори немедленно выехать из города.

Но вот, наконец, все неприятности позади и неунывающий Макуори отправился из Астрахани в Петербург. Он надеялся «добраться до столицы за 12 дней», путешествуя днем и ночью, «хотя обычно такой путь занимает 18-20 дней». Увы, на просторах России простая арифметика не действовала и он добрался до Петербурга лишь через 22 дня, будучи еще несколько раз задержан властями. Канадский историк Глинн Барратт утверждает, что в Коломне, где Макуори продержали шесть дней, он был арестован как шпион [11], но этому нет документального подтверждения. Будь это так, то действия его мучителей имели бы хоть какое-то логическое объяснение. Здесь же, напротив, русский произвол и бюрократизм предстали перед ним, доведенные до абсурда. Выбравшись, наконец, из Коломны и получив еще одно карантинное свидетельство от московского губернатора, Макуори вновь был задержан у самого въезда в Москву, в Люберцах, на этот раз «невежественным станционным смотрителем», который решил отправить его документы в Москву на проверку, но и после этого Макуори был задержан еще раз стражей у ворот Москвы. По иронии судьбы спутники Макуори, которые покинули Астрахань позже, приехали в Москву раньше него, так как они миновали все опасные места ночью, когда стражники крепко спали. Таким образом, Макуори на собственном опыте понял смысл странной русской поговорки «Тише едешь—дальше будешь».

События в Петербурге развивались столь же драматично. Получив поручение английского посла доставить важные депеши в Лондон, Макуори отправился в Кронштадт, где его ждал корабль, и, как кажется, совершенно забыл, что он все еще в России. Бдительные стражники у петербургских ворот незамедлительно напомнили ему об этом, не выпустив его из города без разрешения от начальника полиции. Отправившись в его резиденцию, Макуори узнал, что начальник полиции «лег спать и его нельзя беспокоить» до восьми вечера (дело происходило в начале дня). Макуори развил бешеную деятельность, чтобы преодолеть это последнее препятствие, и, наконец, подняв на ноги английского посла и русского министра иностранных дел, в десять часов вечера получил «разрешение на выезд». Он, по-видимому, даже не заметил нелепости своего энергичного поведения в условиях России—ведь если бы он ничего не делал, а просто дожидался пробуждения начальника полиции (как поступили бы русские в подобной ситуации), то результат был бы тот же самый.

Злоключения Макуори в России описаны им настолько живо, что у русского читателя они вызывают хорошо ему знакомое чувство полнейшей беспомощности перед власть имущими. Символическим кажется, что, как пишут русские моряки, лишь одно трудное русское слово «подорожная» осталось в памяти Макуори «неизгладимым... потому, что на всякой станции ее у него спрашивали». Будучи выдержанным и хладнокровным человеком, он, тем не менее, описывая свой русский опыт, снова и снова употребляет выражения «жестокое», «совершенно несправедливое», «бесчестное заключение», «глубокое разочарование», «унизительная задержка», «чрезвычайно подавлен и ошеломлен» и, наконец, крик души: «мое терпение почти исчерпано», «я никогда не проводил время так неприятно», «мне осточертела русская полиция». Любопытно, что Макуори заметил характерную черту русской натуры: чиновники были исполнены подозрительности и ксенофобии лишь в тех случаях, когда его дело находилось на их прямой ответственности. Но как только этот груз спадал с их плеч, они становились чрезвычайно гостеприимными. Например, командир коломенского гарнизона капитан Дашков, после шестидневного «жестокого и несправедливого» содержания Макуори под арестом, когда все кончилось, ни за что не хотел выпустить Макуори из города, пока тот не отобедает у него дома. «Я был вынужден принять это приглашение и отложить отъезд до вечера»,—подавленно записывает Макуори в дневнике. В то же время, он никогда не осуждает русских, как народ, никогда не забывает отметить доброжелательность и помощь многих людей, которых он встретил во время путешествия. Его замечание о приеме у командующего Веселаго в Баку—«истинно русская открытость»—говорит о том, что, по крайней мере, в начале путешествия, он относился к русским с симпатией.

Макуори в своем дневнике дает очень краткие описания увиденных им в России городов на всем протяжении пути от Баку до Петербурга, и только в Петербурге, когда день его отъезда в Англию был наконец-то близок, состояние «преодоления», которое доминировало в его сознании на протяжении всего пути, сменилось обычным интересом к новому месту. После бескрайней, дикой и часто непостижимой России, в Петербурге он внезапно вновь вернулся в знакомый европейский мир: международные интриги, вежливые манеры, блестящие приемы и над всем этим, как фантастическая декорация—величественный Петербург с пышными царскими дворцами, с широкими элегантными мостами, красивыми садами и героическими статуями. «Самый великолепный и изысканный», «самый блестящий и планомерно построенный город в мире»,—отзывается он о Петербурге.

Итак, вместо ожидаемой прямой зависимости—радушный прием русских в Австралии в ответ на приятное путешествие по России,—поведение Макуори оказывается гораздо сложнее. Возможно, что те

русские, которых он так гостеприимно принимал в Австралии, были для него посланцами европейского лица России, повернутого к Западу, в то время как детали самого путешествия, столь живо описанные им в дневнике,—плохие дороги, задержки и аресты, грубость бюрократов и полиции, пьяные солдаты,—подернулись романтической дымкой и почти изгладились из памяти. Слова Макуори о его посещении России—«везде был принят хорошо»,—сказанные им капитану «Открытия» Васильеву в 1820 году, несомненно, относятся к этому европейскому образу России. Возможно, он оценил русский характер и сумел отделить его от поведения бюрократов. Впрочем, иностранцы всегда отличались способностью сохранять в памяти только приятные воспоминания о России.

И в те дни 1820 года, когда русские наслаждались гостеприимством Макуори и его жены Элизабет в их загородной резиденции в Параматте, где хозяева принимали русских гостей среди залитых солнечным светом золотых мимоз и благоухающих апельсиновых и померанцевых деревьев, они и не подозревали о том, что над головой Макуори сгущаются тучи и уже близка его отставка, вследствие происков его недоброжелателей... Быть может, принимая с особой теплотой русских—союзников Англии,— Макуори надеялся заслужить одобрение со стороны властей метрополии и предотвратить свою отставку. Русские и сами осознавали, что отношение к ним Макуори заслуживало награды со стороны России. Если верить Завалишину, то у русских моряков после визитов 1820 г. возник план представить Лаклана Макуори к царской награде в благодарность за оказанный прием.[12] И хотя никаких следов этого представления к награде обнаружить не удалось, Макуори действительно, как никто другой, заслужил ее, стоя у истоков русско-австралийской дружбы, которая за всю последующую историю никогда не была столь безоблачной и искренней.

Отметим попутно, что Макуори не был единственным жителем Австралии, побывавшим в России или имевшим связи с русскими, причем, вероятно, такие контакты нередко оставляли по себе добрую память о русских. Так, Алексей Российский рассказывает о встрече в 1814 г. в Порт-Джексоне с капитаном Р. Барнсом, «который, лишь только узнал, что здесь находится русский корабль, то приехал к нам, и чрезвычайно был рад, видя русских, коим не может нахвалиться, быв несколько раз в России близ Архангельска». То же чувство приязни и благодарности к русским испытывал и известный австралийский ботаник Аллан Каннингэм, сопровождавший русского натуралиста Ф. Штейна и живописца Е. Корнеева во время их экспедиции в Голубые горы в 1820 г. Каннингэм писал, что таким образом он стремился «хотя бы в небольшой мере отблагодарить господина Лангсдорфа и русских джентельменов в Рио-де-Жанейро за их большую любезность и внимание, проявленные ими ко мне в то время, когда я находился в Бразилии»[13]. Г.И.Лангсдорф, русский натуралист и путешественник, в то время служил в Бразилии русским генеральным консулом.

Итак, ранний период русско-австралийских отношений стал, пожалуй, самым теплым и дружественным, причем поведение австралийцев далеко превзошло образец, установленный метрополией—официальная любезность, как следствие союзничества в наполеоновских войнах,—и наполнилось искренней симпатией к русским, которая захватила все общество от губернатора до рядовых поселенцев.

... до жандарма Европы

Но вот кончились 1820-е годы, а с ними и всплеск русско-австралийской дружбы, и уже в 1832 г. на страницах «Сидней газетт» развернулась антирусская полемика, связанная с заходом в Сидней русского корабля «Америка». Обсуждался вопрос, каким количеством выстрелов должен был Форт Макуори ответить на салют, отданный с борта «Америки»—большим, меньшим или равным. Недавние времена, когда колониальные власти отвечали на русский салют не только большим количеством выстрелов, но и отдавали его первыми в знак особого уважения к русскому флагу, ушли, казалось, навсегда в прошлое. Продолжая дискуссию на страницах газеты, некий Л.М.Н. даже задался вопросом о том, как руские поведут себя в случае военного конфликта, и хотя, по его словам, это было всего лишь «воображаемый случай», который он обсуждал чисто умозрительно, тон газетных статей свидетельствовал об охлаждении австралийских симпатий к России.[14]

Что же произошло? Дело было отнюдь не в «Америке», причины крылись гораздо глубже. Начало 1830-х годов ознаменовало собой начало нового периода в истории австралийско-русских отношений, который принято называть «русофобией».[15] Пожалуй, о подлинной «фобии» в то время говорить еще слишком рано и точнее было бы охарактеризовать настроение в колониях как осудительное и недоверчивое отношение к России. Да впрочем, и точный временной рубеж здесь провести невозможно. Признаки недоброжелательного, подозрительного отношения к России проявлялись в Австралии и раньше, но, по словам Глинна Барратта, «это были лишь отдельные голоса», которые «соединились в сильном хоре» лишь в начале 1830-х гг. Несомненно, что австралийская русофобия формировалась под сильным влиянием настроений в самой Англии, но, как мы увидим далее, австралийцы и сюда привнесли свое специфическое отношение, которое воплотилось, прежде всего, в страхе русской угрозы.

Зарождение и последующий расцвет русофобии во второй четверти 19 века определялся целым комплексом причин. Важнейшей среди них были отношения между Англией и Россией, в частности их соперничество за контроль на Балканах и в Азии. Хотя эти внешнеполитические трения впрямую никак не затрагивали интересы австралийских колоний, однако, рассуждая умозрительно, надо признать, что австралийцы действительно имели некоторые основания опасаться России. Их, несомненно, беспокоили имперские и колониальные устремления России, рост ее военно-морского потенциала, в том числе и в Тихом

океане, частые заходы российских кораблей в австралийские порты—ведь к тому времени австралийцы уже начинали воспринимать Тихий океан как зону своих собственных интересов. Все это лило воду на мельницу тех, кто склонен был видеть в России потенциального агрессора, угрожавшего и Австралии. Впрочем, не будем забывать, что раньше именно эти же факторы толковались и совершенно противоположным образом: Лэнг в своем стихотворении 1829 г. восторгался именно теми аспектами русской политики, которые теперь работали на экспансионистский образ России.

Думается, что причиной, давшей непосредственный толчок всплеску антирусских чувств в Австралии именно в начале 1830-х годов, была не столько сама внешняя политика России, сколько изменение отношения к России в общественном мнении, произошедшее в результате подавления царизмом польского восстания 1830-31 гг., а позже и революций 1848-49 гг. в Европе. Не случайно, что именно после этого Александр Герцен назвал русский царизм «жандармом Европы». Несмотря на то, что Польша находилась где-то на другом краю света, события в ней открыли глаза массе австралийцев на политический режим, находящийся у власти в России. Ведь крепостное право, аракчеевщина, бюрократия, трагедия декабристов были по существу абстрактными понятиями для австралийцев; даже русская экспансия в Средней Азии и на Ближнем Востоке касались их лишь опосредованно, как факты, вызывающие неодобрение Англии. Польские же события, напротив, вызвали в их сердцах живой отклик. Поляки были европейцами, к каковым по духу причисляли себя и австралийцы. Русская колониальная экспансия в Польше была уже прямым посягательством на идеалы свободы, дорогие сердцу европейца. Немалую лепту в распространение пропольских симпатий в Австралии внесли и сами польские политические эмигранты, вскоре добравшиеся до австралийских берегов. Стоит отметить, что Европа, а вслед за ней и Австралия в своем сочувствии Польше по существу оставались на евроцентристских, расистских позициях, ведь жестокая политика самой Англии в Индии, ее колониальные войны с маори в Новой Зеландии, не говоря уже о прямом истреблении австралийских аборигенов, не заставляли австралийцев усомниться в том, что именно их Англия остается оплотом свободы. А Россия тем временем продолжала подливать масла в огонь—несколько лет спустя австралийцы с не меньшим жаром обсуждали новое преступление «русских», выдавших Австро-Венгрии Л. Кошица, героя венгерской революции 1848 г. Этот, казалось бы, частный эпизод, тоже оказал сильное воздействие на формирование негативного образа России.[16]

Почву для роста антирусских настроений в Австралии создавало и то, что представления австралийцев о России были очень скудными и смутными. В сознании рядового обывателя образ русского складывался как причудливая смесь казаков, татар и кочевников, обитавших на просторах Российской империи, в то время как из-за языкового барьера подлинная русская культура оставалась для европейцев, не говоря уже об австралийцах, тайной за семью печатями. Непосредственные контакты австралийцев с русскими, конечно, способствовали утверждению более адекватного образа русских—вспомним замечание австралийских газет о том, что русский капитан оказался истинным «джентльменом»—но этого было недостаточно, чтобы существенно повлиять на ситуацию. Бескрайность же русской территории, многочисленность ее населения в совокупности с этой малоизвестностью создавали в сознании рядового обывателя образ, который под влиянием внешних обстоятельств мог обернуться и ликом героя (как было на первых порах), и ликом демона.

Сочетание этих объективных и субъективных факторов и привело к тому, что к 1830 гг. за Россией закрепилось, по словам Г. Барратта, представление как о «полудиком государстве, ... где азиатская грубость была лишь слегка приглажена, но не спрятана вовсе под европейскими манерами господствующего класса». Американцы или французы, в отличие от русских, никогда не воспринимались дикарями, в худшем случае французов могли назвать «грубиянами» и «цивилизованными варварами», к русским же легко прилагался ярлык жестоких, вероломных «варваров» или «русского медведя».[17] Любопытно, что к 1830-м годам в Австралии появилось свое собственное словечко, которым называли одичавший, непокорный скот—«Russian» или «Rooshian». И хотя этимологически оно скорей всего связано с глаголом «rush» (бросаться, мчаться), некая внутренняя связь с образом «диких» русских напрашивается сама собой. Итак, к середине 1830-х гг. на европейской сцене произошло четкое размежевание ролей—на одном полюсе были Англия, Франция и Америка, олицетворявшие законность и либерализм, на другом—Россия, символизировавшая деспотизм и экспансионизм.

Отношение австралийцев к России имело некоторую свою специфику согласно поговорке «У кого что болит, тот о том и говорит». Такой темой для австралийцев стала угроза русского вторжения. Впрочем, до начала Крымской войны не следует преувеличивать озабоченность австралийцев именно русским вторжением. В равной мере их беспокоила и деятельность в Тихом океане французов и американцев. Например, укрепления на острове Пинчгат (впоследствии известные как Форт Денисон) в центре залива Порт-Джексон колониальные власти начали строить после неожиданного визита американской экспедиции в 1839 г., корабли которой простояли в гавани незамеченными всю ночь.

И все же уже в 1829 г. русская угроза начала использоваться в качестве «оборонного» аргумента. В связи с визитом «Кроткого» и «Елены» влиятельная газета «Острэйлиен» утверждала, что Россия «не преминет воспользоваться тем, что Порт-Джексон совсем не защищен, так как ни мишурные укрепления Форта Макуори, ни пушки-хлопушки батареи Дооса не смогут даже в течение одного часа противостоять вооруженным силам любой державы, будь то русские или американцы». Более того, уже тогда у австралийцев существовали опасения, что целью русских может быть не более и не менее как захват Австралии и ее колонизация.

Губернатор Дарлинг вполне серьезно писал в своем донесении в Лондон в связи с пребыванием в Порт-Джексоне «Елены» и «Кроткого» в 1829 г.: «В их поведении я не заметил ничего, что бы могло вызвать подозрение в том, что у них есть какие-либо планы колонизации Новой Голландии».[18] И хотя в то время высказывания о русской угрозе еще уравновешивались словами об аналогичной угрозе со стороны Америки или другой морской державы, к началу 1830-х гг. Россия превратилась из друга и союзника во врага и более чем на полтора столетия стала главным жупелом в глазах австралийцев, лишь дважды уступив Японии пальму первенства в этой области—в начале 20 века и в годы второй мировой войны.

The Russians are coming

Крымская война (1853-1856), разгоревшаяся за тысячи миль от Австралии, война, в которой непосредственно участвовала лишь горстка австралийцев, тем не менее, затронула все слои колониального населения, которое и морально и материально поддерживало свою метрополию. Эта война оказала сильнейшее влияние на формирование образа России и русских в сознании австралийцев. Никогда прежде австралийские газеты не писали так много о России, никогда прежде русский царизм не подвергался такому массовому осуждению на многотысячных митингах. Война оставила по себе и зримое наследие—карту Австралии и поныне украшает множество российских топонимов, появившихся здесь во время военных действий на другом краю земли, а Форт Денисон, построенный в центре залива Порт-Джексон в годы Крымской войны, стал своего рода символом несостоявшегося развития австралийско-русских отношений.

В то же время, уже с самого начала войны в Австралии не было полного единодушия в ее оценке. Например, любопытная дискуссия развернулась на многолюдном митинге в Сиднее 22 мая 1854 года, вскоре после того, как Австралию достигли сведения о вступлении в войну Англии. Участники митинга уже были готовы поддержать верноподданнический адрес Ее Величеству, выражающий «искреннюю поддержку» и готовность «принять все военные испытания ради защиты великих принципов национальной независимости и мировой цивилизации», когда неожиданно слово взял уже знакомый нам священник Дж. Лэнг, который в своем выступлении заявил, что этот адрес является «полнейшим абсурдом», ничем иным «как фактическим объявлением войны со стороны их ничтожной колонии против целой Российской империи, ... одной из сильнейших стран мира». Лэнг доказывал, что их колония, оторванная от всего мира, не должна «никоим образом вмешиваться в конфликты между их метрополией и Россией». «Какое нам дело до ссор между Россией, Турцией и Францией?»—вопрошал он своих слушателей. Более того, Лэнг не побоялся посягнуть на самое святое и поставить главный вопрос: «Да и вообще, является ли эта война справедливой войной?», доказывая ревущей от возмущения аудитории, что цель войны в действительности состоит отнюдь не в защите цивилизации и свободы в Европе. Ведь Англия ничего не предприняла, когда царизм жестоко давил свободу в Польше и Венгрии, которые не представляли для нее стратегического интереса, почему же сейчас мы должны защищать Турцию?—убеждал он своих противников. И хотя его выступление вызвало бурю негодования, даже в этот критический момент у него набралась группа сторонников, тех, кто стоял у истоков австралийского национализма, осознавая себя как самостоятельную нацию, а не простой придаток Англии. Не удивительно, что противникам Лэнга, от лица которых выступил известный австралийский политик Генри Паркс, нечего было возразить, кроме: «Да что же, разве мы уже перестали быть англичанами?». Джон Лэнг, «адвокат мира», как насмешливо прозвали его противники, по существу стал духовным отцом и нынешнего многотысячного отряда австралийских пацифистов.

Чувства Лэнга разделял и его современник, известный австралийский поэт Чарльз Харпур, который был убежден, что эта война ведется «в защиту одного деспотизма перед лицом другого». В своем стихотворении «Битва при Инкермане (самая подлинная версия)» он писал, что Франция и Британия «Забыв о Ватерлоо, вступили в союз против единого врага, а зачем, они и сами не знают». Перу Харпура принадлежат и сатирические стихи, посвященные одному из ура-патриотических австралийских митингов. [19] И все же надо сказать, что ни Лэнг, ни Харпур, ни их сторонники не являлись поборниками России. Пафос их выступлений был направлен против лицемерия самого австралийского общества. По мере того как война принимала все более затяжной, кровопролитный характер, и в Англии, и в колониях нарастало критическое отношение к ней.

Представления австралийцев о России и русских того времени были очень смутными. Влиятельная газета «Сидней морнинг хералд» писала в начале войны: «Для большинства наших читателей Российская империя известна только по названию; некоторым она представляется в образе мрачного деспота с кнутом или несчастного ссыльного, дрожащего от холода среди снежной метели... Многое из того, о чем в Англии, пожалуй, нет нужды говорить, уже забыто здешним населением».[20]

Формирование представлений о России происходило в годы войны под влиянием нескольких факторов, и, конечно, прежде всего, под влиянием того, что Англия, а, следовательно, и ее австралийские колонии, оказались в состоянии войны с Россией. Этот набор стереотипов врага не представляет особого интереса, поскольку эпитеты, применявшиеся к русским, вполне можно было бы отнести к любому другому народу, оказавшемуся в данный момент противником. Нагляднее всего это продемонстрировала няня, жившая в семье Уильяма Денисона, в то время губернатора Тасмании. Прежде, браня своего подопечного, непослушного малыша, она называла его «турчонок», с началом же Крымской войны он превратился в «русского». На более высоком уровне газеты говорили о «нечестивом» или «чудовищном» «вторжении» русских, «агрессии сильного

против слабого», «русских интригах в Париже и Вене», «русской наглости», изображая Россию как захватчика, прикрывающегося словами о «священной войне». «Россия, наш враг», стало лейтмотивом многочисленных патриотических митингов.[21]

Вместе с тем представления о царском политическом режиме, хотя и носили некоторый отпечаток русофобии, обусловленный военным временем, в целом были вполне объективны. Тон им задала статья, в которой отмечалось, что предстоящая война будет направлена не против русского народа, а против политической системы, и она зажжет свет освобождения над Россией. В качестве наиболее типичных высказываний этого плана отметим такие клише и характеристики как «тирания и гнет», «северный деспотизм», «деспотичная власть». Русского же царя газеты именовали не иначе как «автократ русских», «московский автократ», «русский деспот», «этот современный бандит, дьявол России» (в последнем случае обыгрывалось имя Николая I, т.к. в английском Old Nick используется для наименования дьявола или сатаны). В ряде статей указывалось на прямое влияние царского политического режима на состояние армии: «Русский солдат знает, что он никогда не будет никем иным как крепостным в форменной одежде», «Русская армия страдает от неэффективного интендантства и порочной дисциплинарной системы». Австралийские публицисты и политики неизменно противопоставляли русскому деспотизму «конституционные свободы европейских наций», и, конечно, Англия и ее союзники представлялись как поборники «дела справедливости и гуманизма», ведущие борьбу «в защиту свободы во всей Европе».[22]

И, наконец, в этот период под влиянием военного противостояния пышным цветом расцвели и заполнили страницы австралийской печати этнические стереотипы и предубеждения, создававшие совершенно неадекватный образ русского народа. Определение «варвары» стало одним из самых обычных в применении к русским. Например, на митинге в Сиднее, о котором мы уже говорили выше, в речах ораторов постоянно звучали следующие клише: «орды варваров», «самый варварский народ в Европе», «самый варварский в мире агрессор». Несколько реже фигурировал «Русский медведь». Не столь ходульным, но не менее бездоказательным было утверждение передовой «Сидней морнинг хералд» о том, что «у русских, к сожалению, есть догма, которая существует не только в умах их государственных деятелей, но составляет элемент гордости и фанатизма их народа. Они уверены, что их предназначение покорить всю землю и навязать всем свои религиозные истины».[23]

Но надо отдать должное сиднейцам, которые, в ответ на примитивную антирусскую пропаганду, засыпали «Сидней морнинг хералд» рядом остроумных шаржей. В одном из них, за подписью «Пенелопа», образ русских «варваров» был доведен до полного гротеска: «Эти ужасные русские с их отвратительными усами и бородами идут, чтобы разрушить наши дома и увести с собой нас, женщин, превратив нас в рабынь, обреченных питаться медвежьим жиром и салом». Иногда русские исследователи ошибочно принимают этот «черный юмор» по-австралийски за чистую монету.[24] В целом же, черная краска в изображении русских того времени хоть и преобладала, но не была единственной. Внимательный читатель мог встретить крупицы объективной информации, изображающей отдельных русских с симпатией, показывающей героизм русских солдат и моряков. И, тем не менее, несмотря на шутки весельчаков и отдельные попытки объективного подхода к русским, все три группы антирусских представлений—Россия как противник, Россия как страна деспотизма и Россия как земля отвратительных варваров—преобладали в умах австралийцев и постоянно подогревались сообщениями с театра военных действий.

Одновременно с первыми сведениями о предстоящем участии Англии в войне (март-апрель 1854 года) австралийцев охватила первая «русская паника», вызванная страхом перед русским вторжением. Страх иноземного вторжения, захвата портовых городов, ставший особенно обоснованным, по мнению австралийцев, после открытия в Австралии золота, прошел через всю австралийскую историю. До Крымской войны тремя наиболее грозными потенциальными противниками австралийцам представлялись Франция, Россия и Америка, причем непосредственно перед Крымской войной Франция и Америка казались более реальным противником, чем Россия. Сила инерции была столь велика, что уже после начала русско-турецкой войны австралийские колонии все еще продолжали строить оборонную доктрину, исходя из предполагаемой французской угрозы. Например, Дж. Лэнг заявил на митинге, что «Луи Наполеон, Император Франции, в своей крепости на Новой Каледонии является более опасным врагом для [наших] торговли и предпринимательства в Тихом океане, чем любая другая сила в Европе».[25] Не проходил страх австралийцев и перед возможным набегом американских приватиров (каперов). И, тем не менее, именно угроза русского вторжения вызвала в австралийских колониях настоящую панику.

«Русские страхи» охватывали Австралию не раз на протяжении всей второй половины XIX века—в 1863, 1870, 1882 и 1885 годах. Но первая паника, пережитая австралийцами во время Крымской войны, была, пожалуй, самой сильной и запоминающейся. Какие только формы она не принимала! Некоторые газеты, например, вполне серьезно обсуждали, на какой город—Сидней или Мельбурн—нападут русские и какую форму примет это нападение: разрушение городов, их оккупация или только захват золота в банках, а также кто именно будет осуществлять захват Австралии—буканьеры, приватиры или военно-морской флот. Тот или иной вариант получал предпочтение в связи с передвижением русской эскадры в Тихом океане. Паника охватывала все слои австралийского общества. Дж. Брейлоту, председателю оборонного митинга, грезилось, что «русские эмиссары уже может быть сейчас находятся здесь и видят незащищенность нашей гавани». Жителям побережья по ночам мерещился «русский фрегат или пароход, пришедший за золотом». Временами паника принимала

самый причудливый характер—от страхов некого пьяного из Аделонга, который собирался покончить с собой, так как ему почудилось, что русские уже захватили его в плен, до массовой паники в Мельбурне 7 сентября 1854 года, когда кто-то, услышав взрывы увеселительных хлопушек, закричал «Русские!» Весть мгновенно разнеслась по всему городу, передаваясь из уст в уста, и вскоре отважные отряды добровольцев, вооруженные кто чем, устремились к берегу моря, но, конечно, никого там не обнаружили.[26]

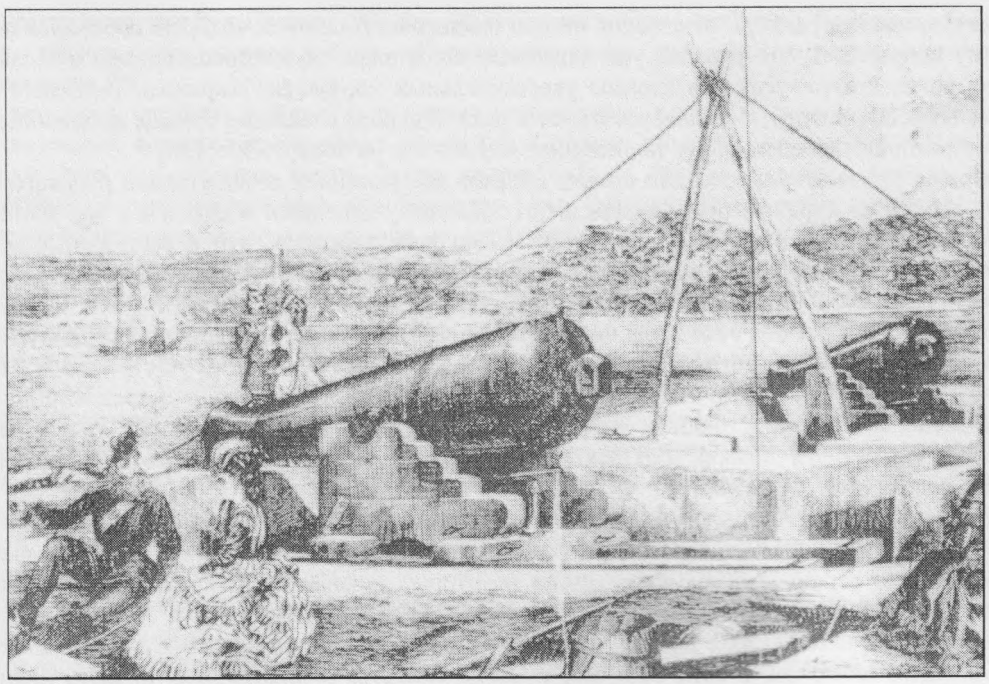
Можно привести еще не один пример страхов австралийцев перед угрозой русского вторжения,—они, например, теперь со страхом припомнили визит «Двины», зашедшей в Сидней в мае-июне 1853 г., как раз накануне войны, и заподозрили ее в шпионаже,—но надо признать, что в австралийском обществе всегда находились и трезвые головы, понимавшие несостоятельность русской угрозы и призывавшие своих сограждан задуматься, каким образом команда русского корабля могла бы практически захватить и удержать австралийский город, как она смогла бы прорваться через многолюдную толпу по улицам незнакомого города к банку, не говоря уж о том огромном расстоянии, которое отделяет Россию от Австралии, и о слабости России в морском отношении,—слабости, ставшей очевидной в то время. Например, «Сидней морнинг хералд» писала: «Действительно, из всех иностранных держав Россия, возможно, представляет для нас, в далекой Австралии, наименьшую угрозу. Мы должны бояться только державу с мощными военно-морскими силами, а в этом отношении Россия ничтожна».[27]

Имела ли в действительности угроза русского вторжения в Австралию какие-либо основания? Писатель И. А. Гончаров, служивший во время Крымской войны на фрегате «Паллада» в Тихом океане, казалось бы подтверждает, что страхи австралийцев имели некоторые основания: «Сколько помню, адмирал и капитан неоднократно решались на отважный набег к берегам Австралии для захвата английских судов, и ... только неуверенность, что наша старая добрая "Паллада" выдержит еще продолжительное плавание от Японии до Австралии, удерживало их, а еще, конечно, и неуверенность, за неимением никаких известий, застать там чужие суда». Петербургский историк Александр Массов первый попытался разобраться в этом на основании материалов Российского государственного архива военно-морского флота. Многолетние исследования позволили ему со всей обоснованностью утверждать, что во время Крымской войны и в последующие десятилетия «никаких конкретных планов нападения на пятый континент не существовало. Ни при обсуждении в Главном морском штабе вариантов действий в акватории Тихого океана в случае начала войны с Англией, ни в соответствующих инструкциях командующим тихоокеанской эскадрой вопрос о каких-либо акциях на австралийском побережье даже не поднимался». Нападение на Австралию было невозможно и из-за ее отдаленности, и из-за отсутствия достаточных ресурсов у русского флота. Поэтому во время военных действий в задачу русских кораблей входило лишь блокирование торговых путей противника в Тихом океане.[28]

Русские пушки и ... австралийские перины

Австралийцы же, между тем, готовились к обороне от грозящего русского вторжения. На митингах звучали громогласные выступления, полные похвальбы и пренебрежения к силам русских. «Пусть только русский фрегат сунется в нашу гавань с какими-нибудь агрессивными намерениями, его доски так и останутся тут гнить», грозил Дж. Б. Дарвалл, а сэр Томас Митчелл уверял собравшихся, что «хоть он и стар, но есть еще порох в пороховницах, и он с готовностью пойдет на абордаж русского судна, если оно войдет в гавань. С пикой в руке и с отрядом надежных вооруженных австралийцев за его спиной, он не сомневается в успехе сражения». Но все же в австралийском обществе не было полного единодушия в вопросе об обороне, камнем преткновения стало ее финансирование. Так, некто, скрывшийся за псевдонимом «Очень беззащитный», подошел к вопросу об обороне с классовых позиций, утверждая, что от предполагаемого вторжения пострадают только богатые владельцы золота: «Чем богаче человек, тем ему хуже... А для большинства людей в этой стране почти не имеет значения, французы, русские или турки придут и отправятся в хранилища, наполненные золотом». Упомянутый уже не раз Лэнг подошел к вопросу обороны с другой стороны, требуя большей независимости от метрополии: «Дайте нам ту форму правления, которая нам нужна, и мы сделаем все, что в наших силах, чтобы защитить ее» .[29]

Угроза русского вторжения заставила многих австралийцев принять участие в обсуждении оборонных вопросов на страницах газет. Наряду с серьезными предложениями, которые рассматривались затем в парламенте, появился и, если можно так выразиться, «русско-оборонный фольклор». Это была специфически австралийская реакция на «модную русофобию». В письме редактору «Сидней морнинг хералд» «Патер фамилис», очередной шутник, трогательно рассказывал, как его «дочь пожаловалась своей мамочке, что она не может спать по ночам, потому что ей снятся русские офицеры», а уже упомянутая нами «Пенелопа» предложила в качестве наилучшей защиты от русских пушек... перины. Пусть, мол, губернатор издаст приказ, и каждый житель Сиднея вывесит перины на шестах вдоль всего побережья залива, пушечные ядра и не пролетят. Иронизировали газеты и над особо патриотичным редактором «Гоулбернского вестника», описывая, как он, якобы, со дня на день ожидает появления грозных казаков, прибывших с известием к гоулбернцам, что русский адмирал Нокимдауновский (Knockymdounouski—шутники еще не раз прибегнут к замаскированным «русскообразным» фамилиям) уже сидит в Сиднее в Доме правительства и прислал царский «указ» (именно так!) о переселении всех гоулбернцев, во главе с редактором, в сибирские снега.



«Побольше пушек в сиднейский залив. Русский медведь должен быть остановлен!»
Сиднсй Морнинг Хералд.

А торговец корзинами начал рекламу своего магазинчика в газете со стихов:

Русские близко! Призыв наш таков:
Встретим мы их как друзей, не врагов:
Зачем убивать их и кушать зачем.
Я лучше баранину местную съем.
Тот будет болван, кто не сделает прибыль
Из русской угрозы, сказать мы могли бы.

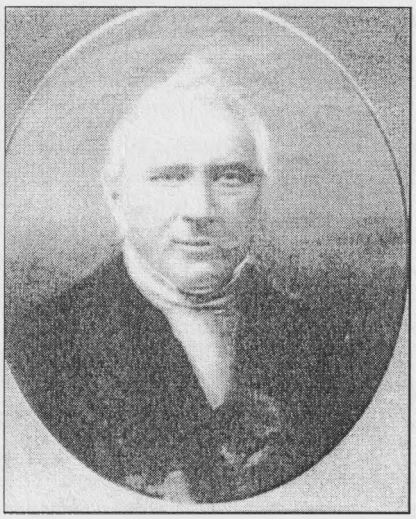
Кончались же эти вирши приглашением в магазин за корзинами.[30]

Трезвомыслящие австралийские политики, пожалуй, не очень отличались от этого торговца. Не поддаваясь ни всеобщей панике, ни бесшабашности, они умело проводили свою оборонную доктрину, с успехом используя именно предубеждения австралийцев в отношении русских. Например, австралийский политик Уильям Денисон во время Крымской войны писал своему другу Роберту Мурчисону: «Вы смеетесь, и имеете все основания для этого, над паникой, приведшей к тому, что население у нас в колониях озабочено защитой от русских. Я этой панике никогда не поддавался, но занялся обороной Сиднея, чтобы предохраниться от соседей более опасных, чем русские, а именно от наших друзей французов и от наших родственников американцев... Россию же я ничуть не боюсь». И почти одновременно он запрашивал Лондон о вооружении для защиты австралийских колоний от «буканьеров под русским флагом»[31], а Форт Денисон, построенный при нем в центре Порт-Джексона, вошел в историю как форт, построенный именно для защиты от нападения русских и стал символом напрасных страхов австралийцев.

Да и только ли Форт Денисон! Такие форты «против русских» можно найти по всему побережью Австралии от Кейп-Йорка до Хобарта и от Сиднея до Аделаиды. Как ни странно, но из всего многообразия русско-австралийских контактов в 19 веке большинство австралийцев знают только один аспект—форты против русского вторжения. В то же время историкам давно известно, что в действительности дело обстояло гораздо сложнее. Массовая историческая память австралийцев об оборонных сооружениях против русских, дожившая до нашего времени и закрепленная в туристских буклетах и популярных комментариях, не что иное, как результат умелого воздействия политиков на общественное сознание. На деле же прибрежные форты были частью обычной системы обороны, которую создает каждое государство. Проблема была в финансировании фортификационных работ. Часто они начинались задолго до очередного страха русского вторжения, тянулись многие годы, их финансирование бесконечно обсуждалось в парламенте, но воз не трогался с места. И лишь очередная паника перед «готовящимся русским вторжением» помогала заставить раскошелиться и английских политиков, и простых австралийцев, а форт, конечно, приобретал славу как построенный против русских.

Кстати, история строительства укреплений в центре Порт-Джексона поистине символична. Форт Денисон, как уже было упомянуто, начали строить задолго до Крымской войны, и скалы для его укрепления ломали на мысу Русских, расположенном неподалеку. Более того, в 1855 году Уильям Денисон, к тому времени

губернатор Нового Южного Уэльса, приобрел участок берега на этом мысу для строительства крепости для защиты от русского нападения. На мысу были даже оборудованы площадки для установки пушек.[32] Так, по иронии судьбы, мыс Русских, символ австралийско-русских симпатий, чуть не превратился в крепость для защиты от недавних друзей...



Джон Лэнг

Почему же жупел именно русской угрозы (в отличие от американской или французской) так успешно воздействовал на массовое сознание австралийцев? Здесь сказалось влияние не столько реальной угрозы, сколько роль представлений австралийцев о России и русских—и негативный образ царизма, подавлявшего свои собственные народы и проводившего экспансионистскую политику на международной арене, и устрашающий гео-этнический образ России—огромная страна, населенная многочисленными полудикими народами,—да и образ самого русского народа, такого отличного от других европейцев и по внешнему облику, и по религии.

Крымская война оставила заметный след в австралийской истории и в другом отношении. В годы войны Австралия оказалась буквально охвачена вихрем русских топонимов—географических названий. В Австралии в это время осваивались новые территории, открывались золотые прииски, прокладывались новые улицы в городах. Вскоре после Крымской войны английский путешественник Чарлз Дильк обнаружил, что, зная главные события Крымской войны, можно проследить, в какой последовательности шло заселение, например, Виктории. «Сент-Арно—это городок, лежащий между Балларатом и Каслмейном, а Альма расположена около него, в то время как холм Балаклава находится около Балларата, где также есть Рэглан и Севастополь. Инкерман находится недалеко от Каслмейна... а прииск Малахов, открытый несомненно к концу войны, лежит к северу, в Уимере». Одна из первых русских публикаций на эту тему появилась в «Единении» в 1969 году. Автор ее отмечает, что городки Альма и Балаклава существуют в Южной Австралии, Севастополь—в Новом Южном Уэльсе, озеро Альма в Южной Австралии.[33] Богат на русские названия, связанные с Крымской войной, и Квинсленд: имя Альмы здесь носят не менее восьми городков, гор, речек. Встречаются и Инкерман, Балаклава, хребет Малахов. Добавим, что крымские названия изобилуют и среди улиц Мельбурна, Сиднея и многих других городов. Например, восточную часть района Сент-Килда в Мельбурне пересекают три главные магистрали—Балаклава, Инкерман и Альма, а между ними расположены улицы Одесса, Крым, еще две Альмы, Севастополь, Малахов, а также парк Альма. В соседнем районе Колфилд мы вновь находим улицы Севастополь, Малахов, Крым, а также Хартум. Подобные скопления русских топонимов есть и в других районах Мельбурна.

Конечно, появлялись все эти названия как символы кровопролитных английских побед, но теперь, 145 лет спустя, воспринимаются русскими без горечи, а, пожалуй, и с гордостью. Ведь для нас, например, Севастополь всегда будет символом героизма русских солдат и офицеров, и не их вина была в том, что русская армия не смогла одержать победу в этой войне. Хотя очень немногие австралийцы принимали участие в Крымской войне, Англия щедро наделила австралийские колонии трофейными русскими пушками, которые ныне украшают австралийские парки и скверы. Будем надеяться, что они послужат памятником-предостережением от заблуждений и политических амбиций политиков, борющихся за передел мира ценой жизни простых людей.

Крымская война оказала огромное воздействие как на Россию, где вскоре начались значительные экономические и общественно-политические преобразования, так и на австралийское общество, причем не только на формирование и практическое осуществление его оборонной доктрины, но и на его политическое самосознание и консолидацию, вызревание идей австралийского национализма, что впоследствии привело к образованию австралийской федерации. Что же касается образа России в умах австралийцев, то, увы, почти три

года ежедневной антирусской пропаганды мало что добавили к их познаниям, напротив, в это время в сознании австралийцев надолго закрепился устойчивый набор негативных стереотипов, связанных с Россией и русскими.

---

1. *Historical Records of Australia,* Series I, vol. 6, p. 159, vol. 10, p. 369; Series 3, vol. 4, p. 73; Унковский С. Я., Истинные записки моей жизни,—Изв. Всесогоз. геогр. о-ва, 1944, т. 76, № 2-3, с. 98; Клочков Е. А., Путешествие вокруг света в колонии Российско-американской компании,—Северный архив, 1826, ч. 24, № 23-24, с. 217.

2. Завалишин Д., Кругосветное плавание фрегата «Крейсер» в 1822-1825 годах,—Древняя и новая Россия, 1877, № 9, с. 44; Беллинсгаузен Ф. Ф., Двукратные изыскания в Южном ледовитом океане..., М., 1949, с. 250; Российские моряки и путешественники в Австралии, сост. Е. Говор, А. Массов, М., 1993, с. 24, 75, 100; Шишмарев Н. Д., Журнал, 1820,—РГА ВМФ, ф. 203, оп. 1, д. 730б, л. 29.

3. Говор Е., На мысу Русских: Из истории экспедиций 1820 года,—Австралиада, Сидней, 1995, № 5, с. 1-6; Российские моряки..., с. 54, 125-6.

4. Российские моряки..., с. 22, 23, 96; Шишмарев, Журнал, л. 28; Васильев М., Замечания капитан-лейтенанта Васильева о Новой Южной Валисской земле,—Зап. издаваемые Гос. адмиралт. деп., 1823, ч. 5, с. 227; [Симонов И. М.], Письмо к *—Казанский вестник, 1829, ч. 25, кн. 1, с. 55.

5 *Sydney Gazette,* 30 April 1829; Австралиада,N 2, с. 6; *Sydney Gazette,* 3 September 1814.

6 *Sydney Gazette,* 28 June 1822; Российские моряки..., с. 88.

7 *Sydney Gazette,* 13, 20 May 1820, 28 June 1822; *Hobart Town Gazette,* 21 June 1823; *Sydney Gazette,* 28 April, 12 May 1825; *Australian,* 31 March, 8 April 1829.

8 *Sydney Gazette,* 30 April, 5 May 1829; Российские моряки..., с. 22.

9 Васильев. Замечания..., с. 227; Лазарев А. П., Записки о плавании военного шлюпа "Благонамеренного"..., М., 1950, с. 150; Беллинсгаузен, Двукратные изыскания..., с. 250; Шишмарев, Журнал, л. 29-30, 31; Macquarie L., *Diary*— Mitchell Library, A 774, ff. 108-119, 124-128, 133, 161-162, 171; *Historical Records of Australia,* Series I, vol. 10, p. 369.

10 Macquarie L., *Journal, 1807,*— Mitchell Library, A 771, ff. 541-656.

11 Barratt G., *The Russians and Australia,* Vancouver, 1988, p. 72.

12 Лазарев, Записки..., с. 150; Российские моряки..., с. 38; Завалишин, Кругосветное плавание..., с. 42

13 Российские моряки..., с. 28; Cunningham A., *Journal,*—Archives Office of New South Wales, Microfilm reel 47 (Copy in The Mitchell Library, ML Micro FM 4/3104).

14 *Sydney Gazette,* 22, 24,26 May 1832.

15 Barratt, *The Russians and Australia,* pp. 191-201.

16 Paszkowski L., *Poles in Australia and Oceania, 1790-1940,* Sydney, 1987, pp. 4, 128-131; Fitzhardinge H. V., *Russian-Australian Relations in the Nineteenth Century* , Master of Arts Thesis, Canberra, ANU, 1964, p 101.

17 Barratt G., *Russophobia in New Zealand, 1838-1908,* Palmerston North, 1981, pp. 16-17.

18 *Australian,* 8 April, 1829; *Historical Records of Australia,* Series I, vol. 14, p. 699.

19 *Sydney Morning Herald,* 23 May 1854; Normington-Rawling J., *Charles Harpur, an Australian,* Sydney, 1962, p. 198.

20 *Sydney Morning Herald,* I June 1854.

21 Denison W., *Varieties of Vice-Regal Life,* London, 1870, vol. I, p. 248; *Sydney Morning Herald,* 24 January, 1, 23 May 1854.

22 *Sydney Morning Herald,* 9 February, 4 April, 1, 12, 23 May, I June 1854.

23 *Sydney Morning Herald,* 1, 23 May 1854.

24 *Sydney Morning Herald,* 13 April 1854; Рудницкий А.Ю., Другая жизнь и берег дальний, М., Наука, 1991, с. 27; Массов А. Я., Россия и Австралия во второй половине XIX века, СПб., 1998, с. 12, 14.

25 Fitzhardinge, *Russian-Australian Relations...,* pp. 105-106; *Sydney Morning Herald,* 23 May 1854.

26 *Sydney Morning Herald,* 8 May 1854; Fitzhardinge, *Russian-Australian Relations..., p.* 137; Denison, *Varieties of Vice-Regal Life...,* vol. I, p. 244; *Sydney Morning Herald,* 11 December 1855; Massary J. (Elizabeth P. Ramsay-Laye), *Social Life and Manners in Australia,* London, 1861, pp. 127-128.

27 *Sydney Morning Herald,* 5 June 1855.

28 Гончаров И. А., Из воспоминаний и рассказов о морском плавании. - В кн.: Складчина: Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов..., СПб, 1874, с. 544; Массов, Россия и Австралия..., с. 35-38.

29 *Sydney Morning Herald,* 8 April, 23 May 1854.

30 *Sydney Morning Herald,* 1, 11, 13 April 1854; *People's Advocate,* 6 May 1854; *Sydney Morning Herald,* 5 August 1854.

31 Denison, *Varieties of Vice-Regal Life...,* vol. I, p. 309; Wentworth W. C. -Denison W., 15 July 1854,—Mitchell Library, Denison papers.

32 Clune F., *Saga of Sydney,* Sydney, 1961, p. 64.

33 Dilke C. W., *Greater Britain,* London. 1868, vol. 2, p. 91; В.Ж.Русские географические названия на карте Австралии,—Единение, Сидней, 1969, 14 февраля. (Благодарю Н. А. Мельникову за предоставление этой заметки).